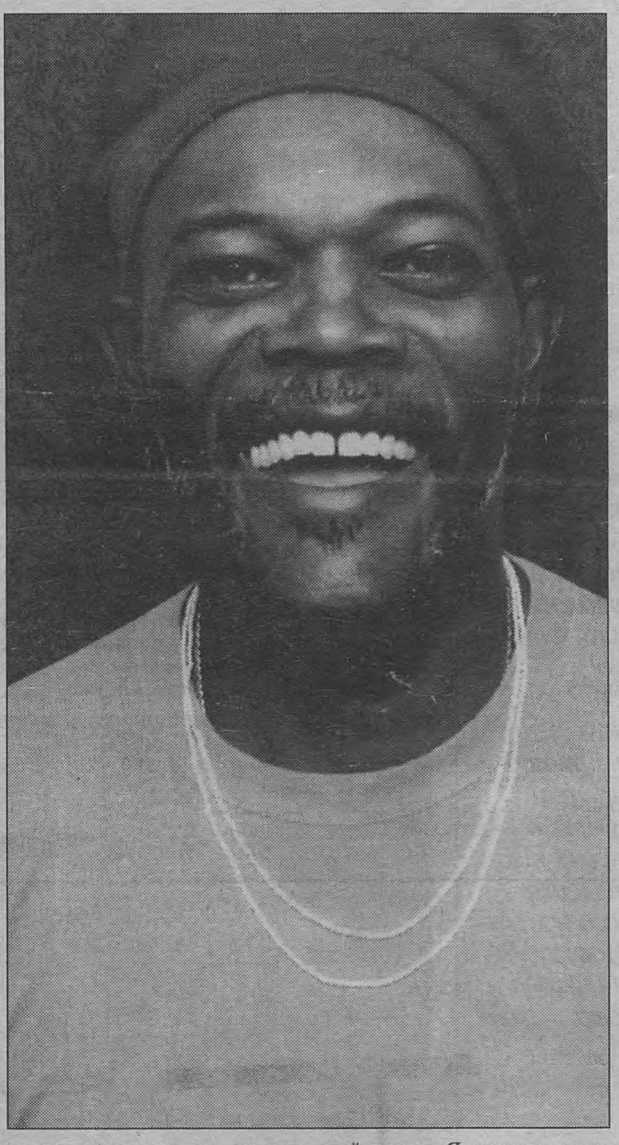
Звезды на полосах

Этот трудный Сэмьюэл Л. Джексон

Последний сезон был чрезвычайно горячим для Сэмьюэла ЛДжексона. Он выпустил фильмы "Правила боя", "Шафт" и "Неуязвимый"; на подходе – "Любовное послание пещерного человека" (режиссер Кэйси Леммонс). Джексон также сыграл у Джорджа Лукаса во второй серии "Звездных войн".
52-летний актер рассказывает о себе и своих фильмах.



– Расскажите о второй серии "Звездных войн".

– Не могу, в моем контракте есть пункт о неразглашении.

– Что вы можете сказать о Джордже Лукасе?

– Потрясающий человек. Он никогда не будет диктовать актеру. Я предложил ему кое-что, он, ни на секунду не задумываясь, сказал: "Отлично, так и играй".

– Вы долго снимались во второй серии?

– С июля по сентябрь 2000 года.

– Ваш герой в новой серии будет круче, чем в предыдущей?

– Мэйс Уинду вовсе не крут. Он просто живет.

– А о "Неуязвимом" мы можем поговорить подробнее?

– Думаю, не стоит. Говорить поверхностно – неинтересно. А говорить глубоко, не раскрывая тайны фильма, невозможно. Конечно, я могу сказать вам, что мой герой – владелец магазина комиксов, что он страдает болезнью под названием osteogenesis imperfecta, у него очень хрупкие кости, они постоянно ломаются...

– Хорошо, а о "Шафте" можно поговорить? Вы не против? Отлично. Говорят, вы отказались переснимать начало "Шафта", когда продюсеры решили показать его в постели с женщиной.

– Они сказали, что сделают эту сцену без меня.

– Почему же они лишили вас любовной сцены?

– Не знаю. Почему бы вам не спросить продюсера Скотта Рудина? Поговорите с ним.

– Говорят, вы сильно скандалили на съемках с режиссером "Шафта" Джоном Синглтоном.

– Дело было не в Джоне. Они пригласили Ричарда Прайса писать сценарий. Он хороший драматург, пишет хорошие полицейские истории. Но некоторые его реплики не умещаются у меня во рту! А они заплатили ему кучу денег за сценарий. Поэтому время от времени Джон, очевидно, слышал указания продюсеров: "Заставь его произносить слова, за которые мы заплатили столько денег". Fuck. Впрочем, считайте, что последнего слова не было.

– Потому что Прайс – белый?

– Да. Я не хочу, чтобы меня еще и расистом называли. Мы с ним спорили время от времени. Понимаете, большинство сценаристов и режиссеров, с которыми я работаю, имеют за плечами 5-6 фильмов. А я снялся в 70 фильмах. Поэтому, если я с чем-то не согласен, то обязательно об этом говорю. Они пытаются меня перехитрить и говорят: "Снимем и по-твоему, и по-моему, а потом посмотрим, что будет лучше". А я отвечаю: "Нет, снимать будем только по-моему, потому что если я снимусь в твоей версии, именно она и попадет в окончательный монтажный вариант. А критиковать будут меня – за то, что я выполнил твои указания".

– Правда ли, что у вас были очень жаркие споры относительно сцен "экшн"?

– Эти ребята никогда в жизни не попадали в настоящую заварушку! Они говорят мне: "У твоего героя патроны кончились!" Я им в ответ: "Fuck, вокруг валяется куча трупов, и у каждого по пушке. Я могу взять их оружие". – "Но тогда придется делать дополнительный крупный план-вклейку с твоей рукой, берущей оружие, а это собьет весь монтажный ритм!" – "Да не надо делать крупный план, я возьму оружие так, что и на общем плане будет видно!"

– Вас не волнует репутация трудного актера?

– Нет. Никто не называет меня трудным актером. Я очень дипломатично веду себя на съемках. Часто виноват не режиссер, а люди за его плечами. Они говорят: "Заставь его сделать то, заставь сделать это. Нам нужен запасной материал на всякий случай". Я знаю: чем больше они снимают, тем расплывчатее их представление о фильме. Часто у режиссера нет права на окончательный монтажный вариант. Ты можешь быть его закадычным другом, а потом приходишь на просмотр – fuck!

– Вы обладаете большой властью в Голливуде – мало кто из актеров может диктовать режиссеру, что ему делать.

– Это не власть. Это здравый смысл. Я никогда не запираюсь в гримерной и не бросаю съемки, если они не делают по-моему. Я могу позвонить кому-то и попросить, чтобы они поговорили с режиссером и продюсером. Мой агент, мой менеджер, мой юрист – все они любят изображать громил. Эти маленькие женщины очень здорово кричат на больших парней.

– А у кого же власть? У Скотта Рудина?

– Ну, мы все знаем, кто такой Скотт Рудин. Некоторые продюсеры любят получать все, что им нужно – причем прямо здесь и сейчас. А когда это не получается, они начинают кричать. Но не на звезд. Они никогда не угрожают звездам, они всегда кричат на кого-нибудь еще.

– Расскажите о "Любовном послании пещерного человека".

– Я играю бездомного бродягу, он живет в Сентрал-парке. Мы снимали по ночам, и я чувствовал себя настоящим вампиром. Я уходил на работу затемно и возвращался затемно.

– Каждый год вы снимаетесь в трех-четырех фильмах, в то время как многие актеры делают один-два.

– Да, я снимаюсь всегда в трех-четырех фильмах. Я очень люблю свою работу. И представьте себе, за три-четыре фильма я получаю меньше, чем Джим Кэрри получает за один. Впрочем, это другая тема.

– Вы помните свой первый фильм?

– Да, я в то время еще учился в университете. Это был фильм Майкла Шульца "Вместе на несколько дней", я играл члена революционной группы. Помню, что на съемках было много ребят из Нью-Йорка, с телевидения. Главные роли играли Клифтон Дэвис и Луис Чайлс.

– Участие в этом фильме дало вам что-нибудь?

– Я смог стать членом Американской гильдии киноактеров, и это мне очень помогло. С этого момента я считался профессиональным актером. Многие начинающие актеры годами пытаются вступить в Гильдию. Туда берут только после того, как ты сыграешь хотя бы одну роль со словами. Непрофессиональный актер не может сниматься в фильме, который снимает профессиональная киногруппа. Это почти замкнутый круг: чтобы получать роли, нужно быть членом Гильдии, а чтобы стать членом Гильдии, нужно сыграть роль. Да еще заплатить вступительный взнос. В то время мне пришлось платить 350 долларов, для меня это были огромные деньги, пришлось занимать. Сегодня нужно платить взнос 3000 долларов! Я не представляю себе, как выкручиваются начинающие актеры!

– Долгое время вы снимались в маленьких ролях.

– И каждая из них была по-своему важна! "Лихорадка в джунглях" принесла мне премию Каннского кинофестиваля и приз Кружка Нью-Йоркских кинокритиков. Мой первый студийный фильм "Игры патриотов" позволил открыть новые аспекты работы и новое амплуа. Потом была вроде бы небольшая роль Джулса в "Криминальном чтиве", потом – вроде бы второплановая роль в "Крепком орешке-3". Потом я как-то, сам того не заметив, стал международной звездой.

– С 1988 года вы начали чрезвычайно плодотворное сотрудничество со Спайком Ли.

– Он умеет объединить вокруг себя людей. Каждый год он собирал одну и ту же компанию актеров и техперсонала. Мы называли это "летним университетом Спайка Ли". Большинство актеров работали в театре и поэтому на съемках придумывали много интересного. Когда какая-то сцена не получалась, мы вместе пытались найти решение. Чаще всего Спайк просто снимал на пленку то, что у нас получалось. Потом все мы прославились как труппа Спайка Ли. А он прославился как открыватель хороших актеров. В "Школьном кайфе" у меня была совсем маленькая роль, в фильмах "Поступай правильно" и "Больше хорошего блюза" – тоже. В общем-то, даже моя роль в "Лихорадке в джунглях" была почти эпизодической.

– И тем не менее вы получили за нее приз Каннского фестиваля. Вам не было обидно, что вас не взяли на фестиваль и премию за вас принял Спайк Ли?

– Нет. С самого начала было известно, что поедут Спайк с Уэсли Снайпсом и Джоном Туртурро. Я даже не думал об этом, потому что знал, что в Каннах нет премий за роли второго плана.

– Как вы узнали, что вас наградили?

– Агент позвонил. Мы с ним всегда перешучивались: "Из Голливуда не звонили?" – "Нет, Сэм, сегодня почему-то не было ни одного звонка!" А в тот день я спрашиваю, как обычно: "Из Голливуда не звонили?" А он в ответ: "Знаешь, тебе действительно звонили с двух студий. Представляешь, в Каннах специально для тебя создали приз за роль второго плана!" Я долго смеялся, не верил. А потом долго не мог получить свой приз: Спайк держал его у себя, не хотел отдавать.

– В 1997 году вы стали продюсером.

– Мне казалось, что так мне будет легче раскручивать проекты, которые мне нравятся. Но я быстро понял, что на нынешней стадии моей карьеры мне гораздо легче раскрутить проект в качестве актера.

– Вы знаете, что о вас был вопрос в телевикторине "Кто хочет стать миллионером?"

– Да, это окончательное подтверждение моей славы.

– Осталось только получить "Оскар".

– Нет уж, пусть лучше будут вопросы в викторинах.

– Сегодня вы – уважаемый актер и знаменитая звезда. Что приятнее?

– Ну, по идее я должен вам говорить, что быть актером важнее, чем звездой и так далее. Но на самом деле я очень долго мечтал стать звездой. В детстве и молодости я был нищ и безвестен. Наверное, и сегодня во мне осталось что-то от мальчишки, мечтавшего стать богатым и знаменитым. Хотя работа в театре очень хорошо прочищает мозги и приучает смотреть на лицедейство как на труд в поте лица.

Сьюзен ХОУАРД